

Любичанковский В.А.
Заведующий кафедрой культурологии ОГУ, кандидат философских наук,
Любичанковский С.В.
Доцент кафедры культурологии ОГУ, кандидат исторических наук

ПРОБЛЕМА МНОГООБРАЗИЯ НАУЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

На основании изучения исторической литературы выделяются различные интерпретации присоединения Украины и Сибири к России. Проводится методологический анализ с целью выяснить, можно ли устранить их многовариантность. На этой основе делается попытка выяснить причины многообразия научных интерпретаций исторических событий.

Изучение литературы показывает, что для исторической науки характерно наличие многообразных интерпретаций одних и тех же исторических событий. Это касается не только событий недавнего прошлого, которые еще не успели стать «историей» в классическом смысле этого слова и подвержены сильным политическим влияниям, но и отдаленных эпох. Ярким примером служит история России XVII века, то есть периода, когда еще даже не существовала Российская империя.

Так, по поводу того, кем был на самом деле так называемый Лжедмитрий I (1605-1606), в науке были высказаны следующие аргументированные конкретным материалом суждения: царевич Дмитрий (*С.Д. Шереметев, С.Д. Беляев*) [1]; Григорий Отрепьев (*П.О. Пирлинг*) [2]; не царевич, но и не Григорий Отрепьев (*Н.И. Костомаров, Д.И. Иловайский*) [3]; личность нельзя установить однозначно (*В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов*) [4]. Описывая Московское восстание 1662 года (т. н. «Медный бунт»), разные авторы по-разному определяли его основную движущую силу: мелкий служилый люд (*Н.Н. Фирсов*) [5]; посадские низы, поддержанные частью столичного гарнизона (*К.В. Базилевич, В.И. Буганов*) [6]. Противоречивые точки зрения были высказаны на место Боярской думы в системе управления Московским государством XVII века: Боярская дума была органом совещательным и подчиненным царю, не являлась носителем верховной власти: делала то, что ей приказывал государь, и не делала ничего, если царю не было угодно приказать ей действовать (*В.И. Сергеевич*) [7]; Боярская дума имела самостоятельные законодательные функции, то есть была наряду с государем носителем верховной власти (*М.Ф. Владимирский-Буданов, В.О. Ключевский, Б.Н. Миронов*) [8]. Даже роль государства в образовании сословий в России XVII века оценивается диаметрально противоположно: сословия образовались естественным путем; государ-

ство содействовало их формированию ровно настолько, насколько это требовалось в ходе объективного развития событий (*В.О. Ключевский*) [9]; сословия образовались искусственным путем: государство сознательно «привило к русской жизни начала западноевропейские, чуждые русской истории» (*Н.М. Коркунов*) [10]. Эти примеры можно продолжать.

Следует отметить, что каждая из представленных выше точек зрения является научно обоснованной. Противоположные позиции содержат критику друг друга, но эта критика не является необходимой и достаточной для того, чтобы полностью снять иное мнение как не соответствующее установленным фактам. Скорее, каждая из зафиксированных выше позиций опирается на определенную совокупность фактов, выстраивая их в наиболее логичной с точки зрения того или иного автора последовательности. Сама необходимость отбора фактов не подлежит сомнению: наверное, уже несколько веков ни один историк не был так наивен, чтобы видеть задачу исторического исследования в изложении всех фактов без исключения. Выбор определяется той парадигмой или даже конкретной концепцией исторического процесса, которую явно или неявно исповедует историк. При этом, поскольку историк стоит на точке зрения истины как высшей познавательной ценности, он стремится описывать факты объективным образом, не допуская их преднамеренного искажения и умышленного сокрытия тех фактов, которые противоречат принятой исследователем концепции [11]. Это делает многообразные научные интерпретации тех или иных исторических событий равноправными, не позволяет выделить какую-либо интерпретацию в качестве единственно верной. Она может быть доминирующей, господствующей на данном отрезке времени, может характеризоваться как новая и оригинальная, как самая современная, но ни в коем случае – как самая «правильная».

Далее проблема многообразия научных интерпретаций исторических событий будет подробно рассмотрена на двух примерах – присоединении к России Сибири и Украины. Названные события сегодня актуальны как никогда в связи с обстановкой в современной Украине [12] и недавними предложениями американцев купить Сибирь [13].

Анализ научной литературы, посвященной данным событиям, показывает отсутствие однозначных оценок их историками. Оба события относятся к XVII веку. С тех пор прошло много времени. Они подвергались анализу выдающимися учеными, как отечественными, так и зарубежными. Казалось, что за это время можно было бы выработать единую общепринятую их интерпретацию. Но этого не произошло. Напрашивается вопрос: почему? Чтобы ответить на него, во-первых, необходимо выделение самих интерпретаций, что и делается в первой части статьи. Во-вторых, необходимо выяснение причин наличия несовпадающих взглядов на одни и те же исторические события. В-третьих, логика самого анализа требует ответа на вопрос, можно ли устранить многовариантность их интерпретаций? Этому посвящена вторая часть статьи.

Что представляло из себя присоединение Сибири к России? Было ли оно мирным или это был захват? На этот счет в науке нет единого мнения. Большое влияние на решение этого вопроса оказывала и продолжает оказывать политика.

До революции и в первое двадцатилетие советской исторической науки безраздельно господствовала концепция завоевания Сибири. С одной стороны, она опиралась на вековую историографическую традицию (дореволюционные историки присоединение Сибири к России трактовали в целом как завоевание – например, работа Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении», вышедшая в Петербурге в 1892г.), а с другой – вполне соответствовала тогдашним устремлениям по разоблачению царизма, его колониальной политики, а также «решительной борьбе с пережитками великорусского шовинизма». Писали об оккупации Сибири, походы землепроходцев характеризовали как разбойничьи набеги искателей добычи и приключений, самих «русских завоевателей» отождествляли с испанскими конкистадорами, а политику Москвы – с политикой европейских колониальных держав. Впрочем, и приобретение Россией других нацио-

нальных окраин (Кавказ, Поволжье, Средняя Азия) оценивалось аналогично.

Показ всех «прелестей» колониальной политики царизма был необходим для того, чтобы подчеркнуть выдающееся значение Октябрьской революции, «освободившей» народы Российской империи от жестокого гнета и «открывшей» им путь в светлое будущее. К концу 1920-х годов утвердилась оценка присоединения нерусских народов к русскому государству как «абсолютного зла» для этих народов. Однако достаточно скоро «властям предрержавшим» стало понятно, что подобный взгляд на историю не соответствует задачам укрепления и тем более расширения Советского Союза. В результате в 1934 году появились знаменитые «Замечания» И.В. Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова на проект учебника по истории СССР для школы, затем ряд постановлений партии и правительства о преподавании истории, после чего родилась теория «наименьшего зла» (академик М.В. Нечкина), согласно которой присоединение к России в XVII-XIX веках иных народов рассматривалось как наименьшее зло по сравнению с их завоеванием другими государствами. Немаловажную роль в формировании таких представлений сыграли опубликованные в 1941 году замечания И.В. Сталина на работу Ф. Энгельса о внешней политике России. Подвергнув критике оценку классиком внешней политики русского правительства в Европе и Азии, он фактически оправдывал почти все действия Российского государства.

Кардинальная переоценка характера присоединения произошла в конце 1940-х – в 1950-е годы. Формула «наименьшего зла» отвергается. Со страниц научных и тем более популярных изданий исчезает термин «завоевание». Выясняется, что чуть ли не все народы «добровольно» вошли в состав России. Большинство историков как по команде поменяли свои взгляды на противоположные. Почему историки отказались от прежней трактовки именно в это время? В ходе Великой Отечественной войны и после нее поднялась волна великорусского патриотизма (именно великорусского), русский народ был признан главным спасителем Отечества и всего мира от «коричневой чумы» (что справедливо). Война резко активизировала использование лозунга «дружба всех народов СССР», необходимого для сплочения многонационального населения в борьбе против фашизма. Позднее (в 70-е годы) он нашел свое логи-

ческое завершение в формуле «советский народ – новая историческая общность людей». Естественно, историки были призваны наполнить этот постулат конкретным содержанием.

Один из тезисов концепции добровольного вхождения сводился к тому, что «независимо от целей и желаний царизма вхождение многочисленных нерусских народов в состав сильного, централизованного русского государства имело для них огромное прогрессивное значение». В свою очередь, любые выступления коренного населения против русской власти стали рассматриваться как феодально-реакционные.

Наконец, свою роль сыграла холодная война. На Западе появились политики, которые доказывали исконную агрессивность, империалистический дух России. Составной частью доказательств этого явилась концепция «восточной экспансии». Естественно, перед советскими историками партия и правительство поставили задачу дать отпор этим инсинуациям.

Но все же факты агрессивного поведения со стороны русских имели место. Отрицать это было бессмысленно. Например, говоря о «добровольности», нужно упомянуть и практиковавшуюся русскими систему «аманатства». Казаки, придя на землю неясачного племени, захватывали в плен родовых старейшин или их родственников, превращая их в заложников – аманатов. Ради сохранения жизни сородичей племя вынуждено было вносить ясак и таким образом «добровольно», вопреки своей воле, присоединялось к России.

Поэтому в 1960-е гг. представители отечественной исторической науки во главе с признанным сибиреведом В.И. Шунковым уточняют свои позиции и вводят в оборот нейтральный термин «присоединение Сибири». Присоединение включает в себя явления различного порядка: от прямого завоевания до добровольного вхождения. Эта позиция сейчас является самой взвешенной в данном вопросе, отражает все многообразие и сложность процесса.

Итак, основные подходы в исторической науке к вхождению Сибири в состав России в XVII веке таковы:

- завоевание Сибири [14], что было для проживающих там нерусских народов либо «абсолютным злом» [15], либо «наименьшим злом» [16];
- добровольное вхождение в состав России [17];
- присоединение Сибири [18].

Анализ литературы показывает, что российско-украинское объединение XVII века так-

же вызывает разные оценки среди историков. На сегодняшний день основные подходы к интерпретации данного события таковы:

- воссоединение двух братских народов в едином государственном организме после многовекового разделения [19];
- полное и безусловное включение Украины в состав российского государства [20];
- установление вассальной зависимости, то есть не полное подчинение, а согласие на покровительство со стороны России в обмен на гарантии безопасности [21];
- временный союз – межгосударственная уния, конфедеративный союз двух независимых государств или даже чисто военный союз [22].

На поверхности наличия различных интерпретаций присоединения Украины к России лежит несоответствие формы и содержания Переяславо-Московских соглашений 1654 года.

Действительно, конкретные условия присоединения были сформулированы в подписанном в Москве документе, который называется «Статьи» (март 1654 года). В основу соглашения легло признание за казачеством полной свободы самоуправления, независимого суда согласно казацким законам и обычаям. Московский царь подтверждал войсковые права и вольности: «чтоб ни воевода, ни боярин, ни столник в суды войсковые не вступался, но от старших своих чтобы товарищество сужены были». Казаки сохраняли за собой не только пожизненное (как это было при поляках) право на пользование земельными местностями, но и наследственное, с передачей их, по смерти, своим женам и детям. Гетман, полковники и войсковой старшина избирались самими казаками. Киевский митрополит избирался тоже на старых основаниях – народным голосованием и по-прежнему оставался в подчинении у Константинопольского патриарха, а не у Московского. На основе самоуправления осуществлялись и финансовые отношения малороссийского казачества с московским правительством: сбор доходов в государственную казну должен был производиться местными властями, без вмешательства московских чиновников. Наконец, за гетманом признано было немаловажное право непосредственных отношений с иностранными державами: о своих отношениях с ними гетман только доводил до сведения царя. Впрочем, из общего порядка сношений установлено было исключение, тоже немаловажное: сноситься с польским королем и турецким сул-

таном гетман мог лишь с царского разрешения: Российское государство должно было гарантировать себя от возможности нанести ущерб своим наиболее жизненным интересам.

По форме соглашение между казачеством и московским царем являлось настоящим включением («втелением»), как говорили на Литве) ее в состав Московского государства на таких же основаниях, на каких входили в состав его и другие русские области: царь принимал Украину «под свою высокую руку» в ответ на низкое челобитье (заявления казаков в декабре 1652 г. и в апреле 1653 г.); царь становился в положение государя своих новых подданных. «Гетман его пресветлого величества войска Запорожского» – так титуловался Хмельницкий. Вот почему привилегии, полученные казаками, были им пожалованы как милость великого государя. В соответствии с таким характером соглашения боярин Бутурлин, приняв в Переяславе от гетмана и войска присягу на верность московскому царю, категорически отказался, как ни хотели гетман и старшины, дать взаимную присягу за государя и выдать письменное обязательство в соблюдении царем казацких вольностей и в сохранении за казацкой старшиной и войском их местностей: все это, говорил он, казаки получают (и через два месяца, действительно, получили), но как пожалование царское.

Такова форма Переяславского и Московского соглашения (январь – март 1654 года). По существу же это был договор между двумя свободными договаривающимися сторонами, и не «пожалуй» царь того, что он «пожаловал» в марте 1654 г., согласно «Статьям» Богдана Хмельницкого присяга, данная Алексею Михайловичу, возможно, была бы немедленно нарушена.

В этом расхождении формы с сущностью дела таился зародыш недоразумений на будущее время: Москва считала себя вправе то расширять свою «милость», то сокращать ее размеры в зависимости от субъективной оценки поведения казаков и их вождей; само же казачество эту «милость» понимало как свое неотъемлемое право, цепко держалось за него и в его нарушении видело нарушение самого договора. Считаясь с таким настроением казачества, московское правительство каждый раз при выборе нового гетмана подтверждало жалованную грамоту 1654 г. и обещало соблюдать казацкие права и привилегии. Так дело велось первые 60-70 лет, пока измена Мазепы в начале XVIII века не произвела настоящего

переворота во взаимоотношениях Москвы и Украины.

Однако при всех различиях в подходах исследователи едины в одном – новые православные украинские подданные Романовых уравнивались в социальном статусе с подданными «старыми» в соответствии со своей сословной принадлежностью. Никакой дискриминации украинцев в России и в помине не было (в отличие от Польши). Казацкая старшина, столь долго и безуспешно мечтавшая о шляхетстве в Речи Посполитой, уравнивалась с российским дворянством, украинские селяне – с крестьянством. Это придало объединению Украины с Россией особую прочность.

Методологический анализ рассмотренных примеров приводит нас к следующим выводам.

1. Ни одна из интерпретаций ни присоединения Украины к России, ни присоединения Сибири к России не была отброшена исторической наукой как ложная. Все они обладают аргументацией, необходимой и достаточной для признания их научными концепциями. Значит, все они имеют право на существование, хотим мы этого или нет. Даже в том случае, если в определенный исторический период практически нет приверженцев конкретных интерпретаций, это не означает, что они исчезают, отбрасываются. Последнее может произойти лишь в том случае, когда будет доказана ложность концепции, причем научное сообщество историков признает это доказательство. Однако в отечественной исторической литературе нет даже попыток поставить вопрос о ложности какой-то из выделенных интерпретаций. Новые возникали как альтернативы существующим. Вообще это весьма специфическое состояние самой исторической науки: возникают новые интерпретации событий, которые не стараются научно «снять» уже существующие. На наш взгляд, это следствие сильнейшей идеологизации самих исторических исследований.

Бросается в глаза, что в разные исторические периоды наблюдается доминирование определенных интерпретаций этих двух исторических событий. Причины этого лежат в области господствующих в обществе идеологических установок. Здесь уместно привести выдержку из работы Х.-Г. Гадамера «Истина и метод»: «...Герменевтически воспитанное сознание должно быть с самого начала восприимчиво к инаковости текста. Такая восприим-

чивость, однако, не предполагает ни «нейтралитета» (в том, что касается существа обсуждаемого дела), ни самоуничтожения, но включает в себя снимающее усвоение собственных пред-мнений и пред-суждений. Речь идет о том, чтобы помнить о собственной предвзятости, дабы текст проявился во всей его инаковости и тем самым получил возможность противопоставить свою фактическую истину нашим собственным пред-мнениям» [23].

2. С момента возникновения первых интерпретаций и по настоящее время в отечественной исторической науке не появилось таких **новых** фактов, которые позволили бы уменьшить число этих интерпретаций. Это не означает, что не накапливались новые факты, особенно по проблеме присоединения Сибири к России. Но их статистический анализ не дает возможности представить дело так, что, например, число фактов, работающих на концепцию «завоевания», во много раз превосходит число фактов, работающих на концепцию «добровольного вхождения», и наоборот. При этом необходимо учитывать, что по отношению к одним народам доминировало завоевание, а по отношению к другим – мирное присоединение. Ученые поняли, что эти два процесса шли параллельно. А поэтому нельзя ни один из них обобщать на всю Сибирь.

3. Многообразие интерпретаций присоединения Украины к России строится на различном понимании одних и тех же исторических документов (на разном их прочтении). Вопрос понимания конкретного текста чрезвычайно сложный и запутанный. Достаточно обратить внимание на то, что любой текст имеет подтекст, причем как управляемый, так и неуправляемый. Методологический и мировоззренческий уровень исследователя существенно влияет на выделение и понимание этого подтекста, а значит, и на понимание всего текста документа. «В действительности не история принадлежит нам, а мы принадлежим истории. Задолго до того, как мы начинаем постигать самих себя в акте рефлексии, мы с полнейшей самоочевидностью постигаем самих себя в качестве членов семьи, общества и государства, в которых мы живем. *Субъективность фокусируется системой кривых зеркал* (выделено нами. – В.Л., С.Л.)» [24]. В такой ситуации трудно ожидать одного варианта интерпретации самого исторического события (практически этого достигнуть сложно).

4. Приведенные примеры в определенном смысле полярны. Взгляды историков на вхождение Сибири в состав Российского государства остановились на концепции «присоединения Сибири». Она снимает все предыдущие, оставляя в себе их рациональные зерна. Она даже по названию удачно отражает все многообразие и сложность процесса присоединения Сибири к России. А вот законченного взвешенного варианта интерпретации присоединения Украины к России до сих пор нет. Но это, на наш взгляд, не означает, что он и не может появиться. Нельзя утверждать, что не появятся и новые концепции присоединения Сибири к России.

5. Посмотрим на эту ситуацию с позиций синергетики. Причем рассмотрим два уровня: а) развитие самого общества; б) развитие исторической науки.

Будем исходить из того, что общество – это сильно нелинейная система, способная к самоорганизации. Особенностью таких систем является то, что они имеют не один, а несколько возможных путей эволюции. Причем эти пути могут сильно отличаться друг от друга. К тому же, если система находится в бифуркационном состоянии, то невозможно предсказать, какой путь развития она выберет [25]. Можно констатировать только одно – система изменит прежний путь эволюции. Новое состояние общества будет давать свои специфические оценки предыдущим состояниям, исходя из порожденных им ценностей и опираясь на противоречивость самих исторических событий. Важно в данном случае то, что резко отличающиеся друг от друга уровни состояния общества неизбежно дают различные оценки своей истории. И этого в принципе избежать нельзя, хотя такой подход в определенной степени нарушает принцип объективности исторического познания. Исследователь, стоящий на позициях науки, обязан быть выше идеологических шор, но одновременно он и не может оторваться от общества, которое его породило.

Если же речь идет об исторической науке, то ее саморазвитие приводит к возникновению различных исторических концепций. В каждой из них видение и оценка одних и тех же фактов, как правило, различны. Значит, нет ничего страшного в том, что историческая наука одни и те же события в разные периоды своего развития оценивает по-разному. Но, как и в первом случае, опора идет на противоречивость самих исторических событий. Наши выводы

созвучны с выводами Х.-Г. Гадамера: «Мы знаем, что... точки зрения различаются между собой, что одни и те же исторические факты по-разному изображаются в разные времена или с разных позиций. Мы знаем, что эти точки зрения не просто снимают друг друга в процессе непрерывно прогрессирующего исследования, но что они есть как бы взаимоисключо-

чающие условия, существующие каждое само по себе и объединяющиеся лишь в нас самих. Наше историческое сознание наполнено множеством голосов, в которых отзывается прошедшее» [26]. Однако нельзя не учитывать и того, что в каждой такой ситуации существует наиболее взвешенный подход, причем его всегда можно выделить и обосновать.

Список использованной литературы:

1. Беляев И.С. Угличское следственное дело 15 мая 1591 года // Чтения. Кн. I. 1907; Шереметев С.Д. Царевна Феодосия Федоровна. 1592-1594 // Старина и Новизна. Кн. V. 1902; Шереметев С.Д. От Углича к морю Студеному // Старина и Новизна. Кн. VII. 1904.
2. Пирлинг П.О. Дмитрий Самозванец. М., 1912.
3. Иловайский И.Д. Историко-критические заметки // Русская Старина. 1896. Т. 88; Костомаров Н.И. Кто был первый Лжедмитрий? Историческое исследование. СПб., 1864.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. III (любое издание); Платонов С.Ф. Вопрос о происхождении первого Лжедмитрия // Статьи по русской истории. СПб., 1912.
5. Фирсов Н.Н. Народные движения в России до XIX в. М., 1924.
6. Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л., 1936; Буганов В.И. Московское восстание 1662 года. М., 1964.
7. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883.
8. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1907; Ключевский В.О. История сословий в России (любое издание); Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т.2. СПб., 2000.
9. Ключевский В.О. История сословий в России (любое издание).
10. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т.1. СПб., 1908.
11. Анисов А.М. Проблема истины и ценностей в историческом познании // Credo new. – 2002. – №2 (30). – С. 13-14.
12. Сабов А. Понять Украину // Российская газета. – 2004. – 24 декабря. – №286 (3663). – С. 10.
13. Не купить ли нам Сибирь? // Родина. – 2000. – №5. – С. 6-9.
14. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892; Зуев А. «Немирных чукчей искоренить вовсе» // Родина. – 1998. – №1. – С.38-41; Окладников А.П. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943.
15. Покровский Н.М. Русская история в самом кратком изложении (любое издание).
16. Захаров А.И. Русский народ – выдающаяся нация // Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии. Якутск, 1955. С. 22-38.
17. Цибилов Б.Д. К вопросу о добровольном присоединении Бурят-Монголии к России. Улан-Удэ, 1950; Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958; Башарин Г.П. Историческое значение вхождения Якутии в состав Российского государства. Якутск, 1957; Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987.
18. Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974.
19. Голобуцкий В. Освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого (1648-1654). М., 1954; Греков И.Б. Воссоединение Украины с Россией в 1654 году. М., 1954.
20. Петрухинцев Н., Смирнов А. Уложение для Украины // Родина. – 2003. – №2. – С. 89-93.
21. Рафальский О. Наибольшая легенда славянской истории: Переяславский договор 1654 года и его современное эхо // Родина. – 2004. – №1. – С. 10-13.
22. Антоненко С. Богдан Хмельницкий // Родина. – 1999. – №8. – С.68; Артамонов В.А. Очаги военной силы украинского народа в конце XVI – начале XVIII в. // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник. 2003. М., 2003. С. 61.
23. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. М., 1988. С. 321.
24. Там же. С. 329.
25. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. 2-е изд. М., 2001.
26. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. М., 1988. С. 337.